

Когда голос вошёл

Здесь отбросы оконного света лежат
на морщинистых лужах, и тени по ним,
не касаясь земли, осторожно скользят,
разбредаются по переулкам кривым.

Длинных капель, расплюснутых ветром, ручьи,
огоньков разноцветных, висящих стоймя,
на стекле лобовом проплывают в ночи.
Ливнем ветер полощет снаружи дома,

клонит в сон мельтешащий вокруг полумрак.
Юркий радиоголос пузырь тишины
протыкает внезапно. Наверное, так
в яйцеклетку из тёмной мужской глубины

вдруг вливается сперматозоид. – И я
будто снова родился. Снаружи иной
теперь город. Без окон дома, для жилья
непригодные явно, залиты луной.

Мир свернулся утробой, трубою. Блестят
её мокрые стены, и вьётся на них
тонкой проволокой по спирали мой взгляд
- путеводная нить в никуда. Дождь затих

но нет звёзд. Рассыпается хрустом эфир.
По стеклу с хрипом дворники воздух скребут -
метроном, или даже звучащий пунктир,
пристрочивший в ткань времени пару минут,

тихо проспанных мною. Среди проводов
огоньки непрерывно моргают вразброд.
Светофор, словно спрут, над землёю врагов
поджидает. Они, когда время придёт,

приползут вдоль по чёрной дороге сюда.
Ну а я заблудился... меня не найдут...
В небе над перекрёстком явилась звезда.

И дрожит в нижнем небе мерцающий спрут,

средним глазом своим пожелтел светофор.

Свесил щупальцы тонкие и подмигнул.

- Присосётся, заглотит и весь разговор,
уезжай. – На педаль навалился, рванул.

И вдогонку мне спрут троеокий зажёт
мутно-красный, разбухший от ярости глаз,
прожигавший машину. Я сжался в комок,
продолжая давить до предела на газ.

Надо вспомнить, куда сквозь блестящую гладь
я пытаюсь доехать, не глядя вперед.

Но, быть может, машине не стоит мешать,
по привычке до дома сама довезёт...